

ДЭЙМОН ГЭЛГУТ

Дэймон ГЭЛГУТ

Арктическое
ЛЕТО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(680)
ББК 84(6Южн)-44
Г98

Серия «Звезды интеллектуальной прозы»

Damon Galgut
ARCTIC SUMMER

Перевод с английского *В. А. Миловидова*

Серийное оформление
и компьютерный дизайн *В. А. Воронина*

Печатается с разрешения издательства Atlantic Books Ltd
и литературного агентства Synopsis.

Гэлгут, Дэймон.

Г98 Арктическое лето : [роман] / Дэймон Гэлгут ; [пер. с англ. В. А. Миловидова]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Звезды интеллектуальной прозы).

ISBN 978-5-17-083866-0

«Арктическое лето» — так озаглавил свой последний роман классик английской литературы XX века Эдвард Морган Форстер. В советское время на произведения Форстера был наложен негласный запрет, и лишь в последние годы российские читатели получили возможность в полной мере оценить незаурядный талант писателя. Два самых известных его романа — «Комната с видом на Арно» и «Говардс-Энд» — принесли ему всемирную славу и входят в авторитетные списки лучших романов столетия.

Дэймон Гэлгут, сумевший глубоко проникнуться творчеством Форстера и разгадать его сложный внутренний мир, написал свое «Арктическое лето», взяв за основу один из самых интересных эпизодов биографии Форстера, связанный с жизнью на Востоке, итогом которого стал главный роман писателя «Путешествие в Индию». Гэлгуту удалось создать удивительно яркое живописное полотно с пряным восточным колоритом, в котором нашли свое отражение и философское осмысление творческого пути, и тайна, ставшая для Форстера уничижительным клеймом и сокровенным источником счастья.

УДК 821.111-31(680)
ББК 84(6Южн)-44

ISBN 978-5-17-083866-0

© Damon Galgut, 2014
© Перевод. В.А. Миловидов, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

*Посвящается Риязу Ахмаду Миру
и четырнадцати годам нашей дружбы*

Оргии исключительно важны.
Как же мало о них знают люди!

Э.М. Форстер — Ф.Н. Фурбанку (1953 г.)

Глава первая

Сирайт

В октябре 1912 года пароход «Город Бирмингем», плывший по Красному морю, находился на полпути в Индию, и в один из солнечных дней на его передней палубе сошлись двое. Каждый пришел сюда своим ходом в надежде избежать участия в концерте, организованном кем-то из пассажиров; но они уже были слегка знакомы, а потому возможность пообщаться наедине не показалась им отталкивающей. Была середина дня.

Они устроились в уголке палубы, которая предоставляла им возможность наслаждаться как солнцем, так и тенью и была недоступна для свежего морского ветра. Оба принесли с собой книги, но вежливо отложили их в сторону, как только завязалась беседа.

Первому, Моргану Форстеру, было от роду тридцать три года, и он справедливо считал себя писателем. Его четвертый роман, недавно вышедший в свет, был принят настолько хорошо, что Форстер счел свои финансовые возможности достаточными для длительного путешествия. Ближайшие шесть месяцев он собирался провести вдали от дома — это было его первое бегство из Европы и второй раз, когда он надолго покидал свою мать. Его собеседником оказался армейский офицер, который возвращался в часть, стоявшую на северо-западной границе. Будучи на несколько лет моложе Моргана, молодой человек отличался привлекательной наружностью. Особенно выделялись зачесанные назад золотистые волосы и белозубая улыбка. Звали молодого человека Кеннет Сирайт.

До этого им уже приходилось беседовать, и неожиданно для себя Морган понял, что ему нравится этот молодой че-

ловек. Пароход был битком набит офицерами и их ужасными женами, но этот Кеннет Сирайт разительно отличался от армейского люда. Во-первых, молодой офицер путешествовал в одиночестве. Во-вторых, Морган заметил, с какой добротой его теперешний собеседник отнесся к единственному пассажиру-индийцу — добротой, на которую были столь скупы прочие пассажиры; и Моргана искренне тронуло это обстоятельство. Эти две особенности дали понять молодому писателю, что у него с юным офицером гораздо больше общего, чем казалось ему до этого. Хотя Морган провел на борту всего неделю, ему представлялось, что плывет он уже целую вечность. Его сопровождали трое друзей, но их компания уже начинала тяготить молодого писателя. Мыслями своими он уносился вперед, за морские горизонты. Часами без передышки Морган либо бродил по палубе, либо в бесцельной задумчивости сидел на перилах, глядя на летучих рыб, которые шлепались на бак, да на прочие водные создания, время от времени появлявшиеся из глубин, — медуз, акул, дельфинов. В такие минуты взгляд его проникал глубоко под поверхность моря. Однажды он увидел широкие алые полосы, колыхавшиеся на волнах, и ему сказали, что это рыба икра, готовая породить мириады мальков, — нечеловеческие формы жизни, набухающие и зреющие, чтобы наконец появиться на свет в среде, чужой и враждебной человеку.

Морган же, похоже, увяз в своих отношениях с людьми. Каждое утро его встречали одни и те же лица. Корабль казался маленьким кусочком Англии, конкретно — округом Танбридж-Уэллс, который вдруг откололся от острова и отправился в самостоятельное плавание. По какой-то причине, быть может, оттого, что болтали больше других, женщины казались особенно невыносимыми. Общаясь с Морганом, женщины исходили из предположения, что он разделяет их чувства, что никоим образом не соответствовало действительности. Одна из путешественниц, молодая особа, находившаяся в активном поиске спутника жизни, пару раз исподтишка набрасывалась на Моргана,

но каменное лицо писателя отвратило ее от дальнейших попыток.

Но что раздражало его более всего, так это бросаемые походя полные злобы реплики и замечания, которые он то и дело слышал за обеденным столом. Некоторые из них он занес в свой дневник, чтобы обдумать на досуге. Как-то добродная дама, которая служила медсестрой в Бхопале, между блюдами прочитала ему лекцию о том, сколь убога домашняя жизнь поклонников Магомета. Если уж детям из Англии приходится осесть в Индии, то они начинают говорить как полукровки, а это такой позор!

— А этот молодой индиец, что плывет с нами! — горячо шептала она Моргану на ухо. — Он же магометанин, правда? Говорят, в Англии он учился в приличной школе, но это что ему дало? Он-то считает, что принадлежит к нашему кругу, — просто смех!

У Моргана с молодым индийцем, имени которого он не помнил, нашлись общие знакомые, но парень был большой зануда и общение с ним не доставляло удовольствия. Морган сам относительно недавно стал избегать его компании, но антипатия, которую соседка по столу питала к индийцу, явно имела какие-то иные корни, и Моргану это было противно. Хотя эта дама не была исключением, почти все пассажиры парохода относились к индийцу с вежливым презрением. Только накануне одна из полковых дам, некая миссис Тёртон, заявила:

— Говорят, этот молодой индиец одинок. Так ему и надо. Они же не позволяют нам общаться со своими женщинами, так почему мы должны им навязываться? Если мы относимся к ним хорошо, они начинают нас презирать.

Морган хотел было возразить, но сдержался, о чем позже жалел.

Поэтому случайная встреча с златовласым юным офицером была событием вполне многообещающим. В Кеннете Сирайте крылось нечто неуловимое, что никак не вязалось ни с его военной формой, ни с его безукоризненной вежливостью.

Вначале они вели достаточно бессвязные разговоры о самом путешествии. Совсем недавно пароход прошел Суэцкий канал, и это событие — для Моргана — оказалось сродни посещению картинной галереи. Порт-Саид его разочаровал. Порт-Саид, как многие убеждали Моргана, являл собой ворота на Восток, но он не почувствовал ни запаха, ни вибраций восточной экзотики, ни ее красок — которых ждал и на встречу с которыми так надеялся. В городе был только один купол и ни одного минарета, а статуя строителя канала Фердинанда де Лессепса, одной рукой величественно указывая на канал, в другой словно сжимала связку колбасок. Конечно же, Морган сошел на берег, и арабы поначалу показались весьма привлекательными, но впечатление тут же оказалось испорчено, когда они столпились вокруг, пытаясь всучить Моргану пачки похабных открыток.

— Хотите посмотреть что-то интим? Нету? А после чай? — верещали они.

Нет, в Порт-Саиде не было ничего воодушевляющего, ничего достойного внимания.

— За исключением угольной баржи, — предположил Сирайт.

— Да, — согласился Морган. — Именно баржи.

Конечно же, он помнил эту баржу! Точнее, те черные, покрытые угольной пылью фигуры, что в мгновение ока очнулись от ступора, в котором пребывали, и ринулись вверх по трапу, пританцовывая и переругиваясь, с корзинами угля за спиной. Когда вдруг упала темнота, одна из фигур неопределенного возраста и неопределимого пола встала на край борта с лампой, и в этом образе, в котором контрастно сошлись и глубокие тени, и ослепительно желтый свет, Моргану почудилось нечто одновременно и обнадеживающее, и пугающее.

Сирайт, как помнил Морган, находился там же. Они стояли рядом у поручней, наблюдая за происходящим. И хотя до той поры они еще не успели перемолвиться и словом, именно тогда, как вспоминал Морган, между ними и пробежала искра взаимопонимания.

Теперь они говорили о том, что их ждет по прибытии в Бомбей. До Агры они решили ехать вместе, но оттуда Сирайт направится в Лахор, а Моргану путь лежал в Алигар.

— Вы остановитесь там у друга? — спросил Сирайт.

— Да, — ответил Морган и после минутного колебания уточнил: — Он местный.

— Вот как? Я так и думал, — сказал Сирайт. — Очень рад, что это так, действительно рад. Вы ничего не узнаете об Индии, пока не наладите контакт с аборигенами, что бы кто ни говорил. У меня там довольно много знакомых. И весьма близких.

— Вряд ли ваши братья-офицеры одобряют ваши контакты.

— Между нами гораздо больше взаимопонимания, чем вы думаете, — принялся объяснять Сирайт. — Конечно, осторожность нужна. Важно знать время и место.

Он помолчал и, улыбнувшись, спросил:

— Ваш друг индус?

— Нет. Магометанин, — ответил Морган.

— Понимаю. Магометанин, — задумчиво проговорил Сирайт. — Тамшний люд считает индусов слишком чувственными — из-за их декадентской религиозной образности. С другой стороны, магометане — это люди Книги, как и мы. Могу вас уверить, что патаны — просто орда молодых дикарей, но я намереваюсь подружиться с многими из них. Это одна из радостей, ожидающих меня в связи с переводом в Пешавар. Раньше я служил в Бенгалии, в Дарджилинге, и провел там золотое время. Теперь я с не меньшим нетерпением смотрю в будущее.

Морган понял, что разговор принял странный для него оборот, и теперь они говорили о совершенно разных вещах. Тем не менее он кивнул головой:

— Я тоже.

— Вы ждете встречи со своим другом? — спросил Сирайт.

— О, да!

— Вы скучали в разлуке с ним? Как хорошо я понимаю это чувство! И мне приходилось его переживать. К счастью,

в Индии вы можете легко утешиться. Это вам не Англия, там это гораздо труднее.

— Что труднее? — переспросил Морган.

— Найти утешение, — ответил Сирайт и, посмотрев на Моргана, что называется, со значением во взгляде, продолжил: — Всего пару недель назад, в Гайд-парке, я встретил конногвардейца.

Обеспокоенный и смущенный новым поворотом разговора, Морган демонстративно откашлялся и уставился на бегущие за бортом буруны. Сирайт сидел к нему вполоборота, в доверчиво-интимной позе. И вдруг после минутного молчания он заговорил о жаре. На первый взгляд это была совершенно иная тема, но она каким-то неявным образом вырастала из предыдущей. За последние несколько дней температура воздуха резко повысилась, и многие из пассажиров выходили спать на палубу. А не заметил ли Морган, что некоторые мужчины теперь носят шорты? Тем, кто постарше, этого делать не следует, сказал Сирайт, у них не настолько привлекательные ноги. И вообще, редкий англичанин может похвастать красивыми ногами — какая-то диспропорция в абрисе коленок. Однако же в Индии привлекательные ноги встречаются то и дело. Морган вскоре сам увидит, сколько там, в Индии, ног и ножек. В Индии плоть открыта гораздо откровеннее, чем дома, таковы уж здесь нравы.

Морган счел, что ему лучше никак не отвечать на это, а подождать и посмотреть, что последует за сим.

Наконец Сирайт вздохнул и промурлыкал:

— Во всем виновата проклятая жара.

— Согласен, — осторожно проговорил Морган.

— Одно вытекает из другого, — продолжал Сирайт. — Жара полностью меняет людей. Я имею в виду, люди приезжают в Индию и начинают вести себя так, как никогда не вели бы себя в Англии. И все из-за жары.

— Я буду носить пробковый шлем.

— Он вас не спасет.

— Уверяю вас, — проговорил Морган, — это шлем отличного качества.

— Не сомневаюсь, — покачал головой Сирайт. — Но спастись от самого себя он вам не поможет.

Лицо Сирайта вдруг изменилось, в его улыбке мелькнуло нечто чувственное, а возможно, и непристойное.

— Не уверен, что понимаю вас, — проговорил Морган.

— А я вот уверен, что понимаете.

В этот момент в недрах корабля послышался шум. До сидевших на палубе донеслись звуки музыки вперемешку с человеческими голосами, слегка приглушенными плеском воды, рассекаемой форштевнем. Обычный мир был рядом — рукой подать. Морган быстро огляделся, чтобы удостовериться, что они на палубе одни.

— Может быть, нам лучше сойти вниз и приготовиться к обеду? — предложил он.

Но, перед тем как он сделал первое движение, Сирайт склонился к нему и передал книгу, которую до того держал на коленях. Морган мельком глянул на протянутый ему томик, полагая, что это сборник стихотворений — такой же, какой лежал рядом с ним. Однако пухлая книжка в зеленом переплете выглядела как нечто совершенно иное, нечто более личное. На обложке было начертано таинственное слово «Педиктон», а внутри вместо типографски исполненного текста оказалась рукопись.

Хотя на той странице, которую открыл Морган, располагалось именно стихотворение.

...О, солнце Азии, волшебный Пешавар,
Где ароматом плоти загорелой
Его смущая, юный отрок смело
Любовнику себя приносит в дар...

— О господи! — воскликнул Морган. — Что это?

— Это история моей жизни, в стихах, — ответил Сирайт.

— Это вы написали?

...Но если свежесть юного туземца,
И нежная округлость ягодиц,
И томный взмах густых его ресниц
Не привлекут вниманья чужеземца,